

СООБЩЕНИЯ

УДК 94(430)''1910 / 1920'':325.2(47)+159.922.4

РУССКАЯ ДИАСПОРА В ГЕРМАНИИ В 10-20-Е ГОДЫ XX ВЕКА: ФОРМИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА «РУС- СКОГО БЕРЛИНА»

А. В. Винник

Тверской государственный университет,
кафедра всеобщей истории, Тверь

Текст представляет исследование формирования исторического пространства «Русского Берлина» – одного из центров российской послереволюционной эмиграции. Приведены сведения о социальном составе русской диаспоры, особенностях самоорганизации и правовой легализации её членов.

Ключевые слова: Русское Зарубежье, Германия, эмиграция, репатриация, межэтнические и межкультурные отношения.

Русская диаспора в Германии начала XX в. была достаточно разнородной, на её формирование наложил отпечаток ряд обстоятельств. Численность диаспоры начала расти с августа 1914 г., когда германское правительство интернировало русских граждан, находящихся в Германии в начале Первой мировой войны. Здесь находились тысячи представителей российских средних слоев, обучавшихся, работавших и отдыхавших в Германии, а также люди, в силу каких-либо иных обстоятельств, застигнутые войной на немецкой земле¹.

Особую категорию составляли интернированные в Германии трудовые эмигранты – сельскохозяйственные и промышленные. Категория промышленных рабочих была весьма немногочисленной. Она предполагала долгосрочное (до 5 лет) проживание в Германии с обычными загранпаспортами и на начало Первой мировой войны численность таких рабочих не превышала нескольких тысяч (1% всех занятых на производстве)².

Сельскохозяйственные рабочие отправлялись из России в Германию на сезонные заработки. Такого рода миграция получила в начале XX в. большой размах. Российские рабочие составляли основную массу всех сезонных мигрантов. На 1914 г. доля граждан Российской империи в германском сельском хозяйстве составляла 46 % всех иностранцев³. Люди данной категории получали от российского правительства бесплатные паспорта; они прибывали в Германию весной, а по завершении полевых работ были обязаны возвращаться в Россию⁴. Так число оставшихся в Германии за десятилетие достигло 120 тысяч че-

¹ См.: Гессен И. В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979. С. 34.

² Тудоряну Н. А. Очерки русской трудовой эмиграции периода империализма. М., 1986. С. 51.

³ Кабузан В. М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М., 1986. С. 194.

⁴ Тудоряну Н. А. Указ. соч. С. 51.

людей (в среднем не возвращалось около 2,8 % уехавших ежегодно)⁵. В 1914 г. на заработки из России в Германию отправилось около 750 тыс. чел., которые были задержаны германским правительством, испытывавшим нехватку рабочих рук в связи с мобилизацией. Приведенное число однако, не может считаться исходным ввиду важного обстоятельства – подавляющее большинство сельскохозяйственных рабочих из России составляли поляки, прибывавшие в Германию из приграничных областей Царства Польского⁶. Естественно, для них проблема возвращения в Россию после получения Польшей независимости стала неактуальной. Число выходцев из других областей России составляло у сельскохозяйственных рабочих не более 3 %⁷. Таким образом, число людей заинтересованных в реэмиграции в Россию после окончания Первой мировой войны, в данной категории не превышало 2,5 тыс. чел. Уровень самоорганизации интернированных в Германии граждан был весьма невысок. По свидетельству И. В. Гессена, существовало лишь основанное в 1916 г. благотворительное «Общество помощи русским гражданам», члены которого попытались регулировать с германскими властями экономические и правовые условия пребывания задержанных на немецкой земле⁸.

Следующей категорией русских граждан, удерживаемых в Германии, стали военнопленные Первой мировой войны. Данная категория была самой многочисленной. По подсчетам германского исследователя К. Шлегеля их насчитывалось около 1,2 млн. чел.⁹ По окончании войны, пленные организовывались в «Союз бывших русских военнопленных и интернированных в Германии»; кроме того существовал «Российский союз инвалидов войны в Германии»¹⁰.

Вышеназванные категории русских граждан можно сказать «эмигрантами поневоле», так как не имели предварительного намерения задержаться в Германии. Сознательная эмиграция началась с 1918 г. После заключения Брест-Литовского мира в Германию устремились так называемые беженцы – люди с территорий, оказавшихся под немецкой юрисдикцией. В эту категорию входило большей частью население с территорий новых государств – Украины, Литвы, Эстонии, Латвии. Они не являлись гражданами этих государств, обладали гражданством Российской империи, то есть уже несуществующего государственного образования¹¹.

В категорию беженцев входили и нахлынувшие в 1920–21 гг. в Германию после поражения армий Н. Н. Юденича и П. Н. Врангеля как военнопленные, так и гражданские лица¹². Социальный состав беженцев был неоднородным. Современник событий В. фон Блюхер сравнивает социаль-

⁵ См.: Дубровский С. М. Сельское хозяйство в России в период империализма. М., 1975. С. 350.

⁶ Кабузан В. М. Указ. соч. С. 194

⁷ Там же. С. 195.

⁸ Гессен И. В. Указ. соч. С. 34.

⁹ Schlögel K. Berlin: «Stiefmutter unter den russischen Städten» // Der grosse Exodus. München, 1994. S. 236.

¹⁰ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 720. Оп. 1. Д. 103. Л. 33.

¹¹ Schlögel K. Op. cit. S. 237.

¹² Там же.

ную структуру русской диаспоры с пирамидой у которой осталась одна верхушка: «Здесь отсутствовали нижние и средние слои... Вместо них были офицеры, чиновники, деятели искусства, финансисты, политики и члены старых придворных обществ»¹³. По оценке З. С. Бочаровой к числу интеллигенции и состоятельных слоев российского общества принадлежало 75–80 % членов диаспоры в Германии¹⁴. К. Шлегель обращает внимание на то, что русская колония выделялась более высоким интеллектуальным уровнем, в сравнении с окружающим их немецким обществом¹⁵.

В русской диаспоре было две национальные группы, выделявшие себя из остальных. Первую составляли евреи, которые стремились к самоорганизации и созданию собственных, отличных от русских обществ. Были созданы: «Городской комитет русско-украинских сионистов в Берлине», «Еврейский студенческий союз», «Союз российских евреев», «Центральное бюро сионистов по России и Украине»¹⁶. Еврейская колония пополнялась с территории Польши, где отношение к ним было самым нетерпимым¹⁷. Однако, национальные притеснения бытового плана в Германии также имели место¹⁸, что заставляло еврейских беженцев рассматривать другие варианты своего жизнеустройства. Часть их, как видно из названий организаций стремилась к переселению в Палестину, другая часть рассматривала возможность возвращения в Россию, то есть становились потенциальными реэмигрантами.

Ещё одна изолированная национальная группа это прибывшие в Германию немцы-колонисты. Вернувшись на историческую родину, они рассчитывали на особые условия приема, но германское правительство разместило их в лагерях наряду с остальными русскими гражданами, никак не выделяя¹⁹. Для защиты своих прав колонисты создавали союзы, объединяясь по географическому «принципу»: «Общество немецких колонистов Поволжья», «Союз колонистов Северной России», «Союз колонистов Волыни», «Союз колонистов Причерноморья»²⁰.

В качестве политических эмигрантов в Германии находились представители властной и интеллектуальной элиты добольшевистской России. Они проникли в Германию различными путями, часто вместе с беженцами – через Финляндию и Польшу, где были сильные антирусские и антиправославные настроения; с юга – транзитом через ряд европейских стран. Многие из них не рассматривали Берлин в качестве конечного пункта своего путешествия, используя его в качестве перевалочного пункта на пути в другие страны²¹.

¹³ *Blücher W. von Deutschlands Weg nach Rapallo. Erinnerungen eines Manns aus dem zweiten Glied.* Wiesbaden, 1951. S. 33 // Цит. по изд.: *Schlögel K.* Op. cit. S. 240.

¹⁴ *Бочарова З. С.* Судьбы российской эмиграции: 1917–30-е гг. Уфа, 1998. С. 14.

¹⁵ *Schlögel K.* Op. cit. S. 240.

¹⁶ РГВА. Ф. 720. Оп. 1. Д. 103. Л. 32–34.

¹⁷ *Нансен-Хейер Л.* Книга об отце. Л., 1971. С. 375.

¹⁸ Там же.

¹⁹ АВП РФ. Ф. 0165. Оп. 1. Папка 102. Д. 11. Л. 93.

²⁰ РГВА. Ф. 720. Оп. 1. Д. 103. Л. 32–34.

²¹ См.: *Вертинский А.* Дорогой длинною... М., 1990. С. 177; *Шверубович В. В.* О старом Художественном театре. М., 1990. С. 345 и др.

В 1920 г. в Берлине находились лидеры ряда партий – А. Ф. Керенский, Н. Е. Марков, В. Д. Набоков, В. М. Чернов, И. Г. Церетели. По выражению Р. Б. Гуля приют в Германии нашли «все оттенки русской политики, кроме коммунистов»²².

Вопрос о численности русских в Германии до конца не решен. В. Белов приводит цифру до 300 тыс. в одном Берлине на 1923 г.²³ В. В. Комин, подчёркивая, что Берлин в начале эмиграции был городом наиболее насыщенным русскими, определяя их численность от 200 до 400 тыс. в начале 1920-х гг.²⁴ По данным М. Раева, численность эмигрантов – 250 тыс. в точке наивысшего подъёма²⁵. Германские исследователи приводят более значительные цифры. Г.-Э. Фолькманн определяет количество русских в Германии в 600 тыс., из них в Берлине – 360 тыс.²⁶ К. Шлегель, со ссылкой на данные «Американского Красного Креста» и «Инспекции по делам беженцев Международной Рабочей службы», показывает динамику изменения численности русских в Германии: 1919 – 100 тыс., 1920 – 560 тыс., 1922 – 600 тыс., 1925 – 150 тыс. (не считая военнопленных)²⁷. Если обратиться к данным Министерства иностранных дел Германии, то используемые там данные сходны с приводимыми Г.-Э. Фолькманном и К. Шлегелем. Следует при этом оговориться, что внешнеполитическое ведомство само не имело точного представления о количестве присутствующих в Германии русских. Характерно замечание МИД относительно письма в Генеральный секретариат Лиги Наций: «число живущих в Германии русских беженцев можно обозначить только примерно. Можно рекомендовать число 600 тысяч с добавлением “приблизительно”»²⁸. Когда же МВД затребовало более точные данные, МИД был вынужден констатировать, что таковыми не располагает, пользуясь оценками Верховного Комиссара Лиги Наций Ф. Нансена²⁹. Нужно дополнить, что число 600 тыс. сложилось в 1922–23 гг., когда возвращение основной массы русских военнопленных на родину уже состоялось.

Среди причин такого большого сосредоточения русских в Германии нужно выделить два основных фактора. Во-первых, это географическая близость к России, так как абсолютное большинство беженцев рассматривало себя именно как беженцев, а не эмигрантов, а это предполагало достаточно быстрое возвращение на родину – «после краха большевиков». Выезд из России был, как правило, экстремальным, люди покидали страну без ясных перспектив дальнейшей жизни, без психологической подготовки и налегке³⁰. Люди уезжали добровольно, но эта добровольность была вынужденной. К эмиграции побуждала сама обстановка революции и Граждан-

²² Гуль Р. Жизнь на фукса // Белое движение: начало и конец. М., 1990. С. 419.

²³ Белов В. Белое похмелье: Русская эмиграция на распутье. М.; Пг., 1923. С. 47.

²⁴ Комин В. В. Крах российской контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977. С. 17.

²⁵ Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994. С. 54.

²⁶ Volkman H.-E. Die russische Emigration in Deutschland: 1919–1929. Würzburg, 1966. S. 5.

²⁷ Schlögel K. Op. cit. S. 237.

²⁸ РГВА. Ф. 720. Оп. 1. Д. 103. Л. 208.

²⁹ РГВА. Ф. 720. Оп. 1. Д. 103. Л. 208.

³⁰ Филиппова М. В. Российская эмиграция в культурной жизни Германии в 1920–1933-х годах (живопись и театр): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2001. С. 15.

ской войны³¹. Многие вообще не вдавались в политические тонкости – они бежали из России от бытовой неустроенности, социальных и экономических проблем. По свидетельству И. Г. Эренбурга среди эмигрантов было много не понимавших, почему они очутились в эмиграции. «Одни убежали в припадке страха, другие от голода, третьи потому, что уезжали их соседи... Судьбу миллионов людей решила простая случайность»³². То, что правительства Советской России и Германии имели дипломатические отношения создавало дополнительный стимул задержаться на немецкой земле той части эмигрантов, которые предпочитали «не жечь мосты» – отсюда перспектива возвращения на родину казалась наиболее реальной.

Вторым значительным фактором, способствующим «берлинской остановке», стала относительная дешевизна жизни в Германии. Это особенно важным было для представителей творческой интеллигенции. В Германии «открывались возможности дешево публиковать литературные произведения и выпускать периодические издания, что позволяло выносить на широкое общественное обозрение результаты творческих усилий эмиграции»³³. Доказательством этого является тот факт, что в Германии в начале 1920-х гг. было открыто более 80 русских журналов и более 30 газет³⁴. Берлин был наводнен русскими философами, писателями, музыкантами, художниками³⁵. В Германии возникали парадоксальные ситуации – за календарный год, по свидетельству Р. Б. Гуля, русских книг выходило больше чем немецких³⁶.

Особенностью жизни русской колонии в Берлине было отсутствие чёткой границы между диаспорой и пребывающими в Германию гражданами Советской России. Берлин был для советской интеллигенции своего рода «окном в Европу», местом культурных обменов. По свидетельству М. А. Осоргина, приезжавшие из РСФСР писатели не чуждались своих коллег по эмиграции. Статус тех и других совершенно не мешал общению³⁷.

Русская эмиграция в Берлине проявила, как уже отмечалось, высокую способность к организации. Это в первую очередь относится к представителям интеллектуальной элиты – тем, кто оказался в эмиграции сознательно, по политическим мотивам. Но и представители других слоев населения также стремились самоорганизоваться. Данные МВД Германии содержат сведения о 42 общественных и профессиональных объединениях русских эмигрантов³⁸. К организации люди стремились с целью решить комплекс бытовых и правовых вопросов. Значительная часть русских беженцев находилась практически без средств к существованию. В их судьбе принима-

³¹ Поляков Ю. А. Проблемы эмиграции и адаптации в сфере исторического опыта // Новая и новейшая история. 1995. №3. С. 11.

³² Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь: Воспоминания. М., 1990. Т.1. С. 390.

³³ Раев М. Указ. соч. С. 54.

³⁴ См.: Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции. 1918–45 гг.: Библиография. Из каталога библиотеки Р.З.И. Архива. Нью-Йорк, 1993. Т. 2.

³⁵ Андреев В. Л. История одного путешествия. М., 1974. С. 121.

³⁶ Гуль Р. Б. Я унёс Россию: Апология эмиграции. М., 2001. Т. 1: Россия в Германии. С. 154.

³⁷ Осоргин М. А. Воспоминания: Повесть о сестре. М., 1992. С. 269.

³⁸ РГВА. Ф. 720. Оп.1. Д. 103. Л. 32–34.

ли участие Лига Наций, Международный Красный Крест, различные благотворительные организации. Разумеется, решить все проблемы эмигрантов было едва ли возможно. Эмигрантские объединения были призваны способствовать выходу нуждавшихся в помощи русских на уровень германских и международных организаций.

Наиболее значительной структурой была «Русская делегация в Берлине»³⁹, она возглавлялась бывшим послом России в Италии С. фон Боткиным и главным её предназначением была правовая защита эмигрантов. Формально «Русская делегация» не была признана германским правительством, но фактически через неё выдавались паспорта, удостоверения личности, другие документы⁴⁰. Правовая проблема встала наиболее остро с конца 1921 г., когда был принят декрет ВЦИК РСФСР о лишении российского гражданства лиц: находящихся за границей более 5 лет и не зарегистрировавшихся в советских представительствах; покинувших Россию без разрешения Советского правительства; добровольно служивших в сражавшихся против Советской России армиях; состоявших в «контрреволюционных организациях»⁴¹. На практике это означало, что все находившиеся в Германии, и не зарегистрированные в Советском представительстве провозглашались лицами без гражданства.

После принятия данного документа правовая поддержка эмигрантам потребовалась незамедлительно. Результатом вмешательства Лиги Наций и лично Верховного комиссара Ф. Нансена стало учреждение специальных (т. н. «нансеновских») паспортов для лиц, лишенных гражданства. С этими документами эмигранты могли вступать в официальные сношения с германскими властями, могли пересекать границы тех стран, которое признавали действия «нансеновских паспортов». Таким образом, русская колония в Германии состояла из бывших военнопленных и интернированных лиц; политических эмигрантов; представителей творческой интеллигенции, включая людей, обучавшихся в Германии до 1914 г.; «беженцев» различной социальной принадлежности.

Различные категории граждан отличали разные уровни материального положения, правовой защиты, организации, разное видение мира и происходящих событий.

Список литературы:

1. Андреев В. Л. История одного путешествия. М., 1974.
2. Бочарова З. С. Судьбы российской эмиграции: 1917–30-е гг. Уфа, 1998.
3. Гуль Р. Б. Я унёс Россию: Апология эмиграции. М., 2001. Т. 1: Россия в Германии.
4. Дубровский С. М. Сельское хозяйство в России в период империализма. М., 1975.

³⁹ Schlögel K. Op. cit. S. 238.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ РГВА. Ф. 720. Оп. 1. Д. 102. Л. 23.

5. Кабузан В. М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М., 1986.
6. Комин В. В. Крах российской контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977.
7. Поляков Ю. А. Проблемы эмиграции и адаптации в сфере исторического опыта // Новая и новейшая история. 1995. №3.
8. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994.
9. Тудоряну Н. А. Очерки русской трудовой эмиграции периода империализма. М., 1986.
10. Шверубович В. В. О старом Художественном театре. М., 1990.
11. Schlögel K. Berlin: «Stiefmutter unter den russischen Städten» // Der grosse Exodus. München, 1994.
12. Volkmann H.-E. Die russische Emigration in Deutschland: 1919–1929. Würzburg, 1966.

**RUSSIAN DIASPORA IN GERMANY IN 10–20TH YEARS OF THE
XXTH CENTURY: SPACE FORMATION «RUSSIAN BERLIN»**

A. V. Vinnik

*The Tver State University,
chair of general history, Tver*

The text is devoted research of formation of historical space «Russian Berlin». One of the centers of the Russian post revolutionary emigration. Data on social composition of Russian diasporas, features of self-organizing and legal legalization of its members are resulted.

Keywords: Russian Abroad, Germany, emigration, repatriation, interethnic and intercultural relations.

Об авторе:

ВИННИК Алексей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории Тверского государственного университета.

VINNIK Alexey Viktorovich – the candidate of historical sciences, the senior lecturer managing chair of general history of the Tver state university.

E-mail: avinnic@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.07.2011